

**РЕФОРМА ГОРОДА ЕКАТЕРИНЫ II: ЗАМЫСЕЛ, ПРОЦЕСС РЕАЛИЗАЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ)**

© 2018 А.В. Белов

Институт российской истории Российской академии наук, г.Москва

Статья поступила в редакцию 02.02.2018

В статье рассматривается замысел, процесс реализации и результаты крупномасштабного преобразования города (реформа города), осуществленного в правление Екатерины II. Благодаря усилиям императрицы и ее сановников на смену городу-крепости пришел ныне существующий тип городского поселения – полифункциональный центр. В ходе преобразования были определены основные функции города и создана инфраструктура для их реализации. В значительной степени эти структуры существуют и по сей день, исполняя задачи, приписанные им во второй половине XVIII столетия. Автор поднимает вопрос о необходимости выделения среди целого ряда преобразований Екатерины Великой особой реформы – реформы города. В отличие от хорошо изученной т.н. городской реформы, реформа города была направлена не на упорядочивание сословной структуры «городовых обывателей» и создание сословного управления и самоуправления, а на формирование города нового типа, существующего по сей день. Особое внимание уделяется проблеме учреждения и развития в Москве собственного постоянно действующего театра, что было связано со статусом столичного города, который носила Первопрестольная в эти годы; влиянию личности главы края (губернаторов и генерал-губернаторов) на реализацию реформы; замыслам и программе преобразований, основным программным установкам и также этапам осуществления реформы; системе управления и качеству ее функционирования; созданию регулярного города, изменению планировки и застройки городов; созданию регулярных планов; организации работы городских служб (полиции, пожарных, социальной помощи, образования); налаживанию работы и реформированию пенитенциарной системы; рассмотрению города как центра общественного досуга и ретранслятора культуры; и др.

Ключевые слова: русский город, дореформенный город, реформа города, Екатерина II, губернская реформа, функции города.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00047-А.

Реализация задач реформы в губерниях ядра Центральной России: процесс подготовки сети городов к моменту начала функционирования новой губернии. Процесс подготовки реформы был хорошо спланирован. Наместники заранее получали т.н. предварительные планы, с опорой на которые совершали свои ознакомительные поездки, а позже и ревизии присутственных мест. Однако первоначально власти не имели точного представления, как выполнить предписанное им поручение, и учились процессу реформирования в процессе реализации ее планов. Имели место примеры обмена опытом, как это можно наблюдать между опытейшим администратором Я.Е. Сиверсом (реализовавшим на практике идеи административной реформы еще до ее официального объявления) и его учеником, будущим главой Тульско-Калужского генерал-губернаторства М.Н. Кречетниковым.

Необходимо отметить, что проведение екатерининскими сановниками реформы на местах было далеко не примитивным механическим

*Белов Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник.
E-mail: belovavhist@mail.ru*

«распил» территории по алгебраическому принципу. Напротив, это был обусловленный необходимостью процесс организации управления и формирования механизма развития края и города как его остова.

Во-первых, достижение поставленных задач не имело однозначного варианта решения. Ограниченные возможности и специфика каждого конкретного места вели к тому, что с утверждением каждого нового региона нужно было искать новые решения. Власть училась выполнять эту задачу, что называется, «на земле». Часто данная работа носила творческие элементы. И всегда она была результатом административно-территориального компромисса. Очень часто вынужденно, но неизбежного и необходимого.

По сути, каждая предыдущая губерния была школой для создания последующей. Так, Московская своим появлением завершала процесс нового административного оформления территории всей Центральной России.

Процесс подбора поселений на роль городов (уездных центров) и формирование у новообразованных губерний собственной сети городов было не прописанным актом, а тяжелой рабо-

той наместников. Нередко им остро не хватало не только поселенческих ресурсов, но и просто времени, чтобы в срок выполнить высочайше утвержденный план. В итоге сановникам приходилось не только постоянно быть на ногах и в разъездах, невзирая на плохую погоду, дороги или иные условия. А также находить творческие решения и проявлять способность находить выход из тупиковых ситуаций.

Учреждение и открытие новой губернии или наместничества (с момента открытия первой губернии, входящей в его состав) состояло из нескольких этапов.

Первый – официальное объявление губернии. Одновременно с ним глава проектируемого нового административного края получал подготовленный в Петербурге предварительный проект будущей губернии – «примерное расписание». Оно представляло собой документ, в котором содержался черновой план будущего административного региона с разбивкой его по городам с приписанными к ним уездам. К каждому из них прилагалось подробное число имевшихся ревизских душ, как правило, разбитых по станам, селам и деревням.

Инструкция составлялась не наспех и задолго до начала работы с ней на местах. Так, для Московской губернии, открытой в 1782 г., такой документ был сочинен примерно в 1775 г., сразу после принятия «Учреждения для управления губерний»¹.

На основании «примерного расписания» сановник совершал объезд территории и проводил ревизию будущих городов – уездных центров. Как из числа ныне существующих, так и потенциальных, которые стоило перевести в ранг городов из другого официального поселенческого статуса. Кроме того он и сам мог выдвигать претендентов на эту роль. Возникавший в итоге этого уточненный план отправлялся для высочайшего утверждения императрице.

В губерниях ядра Центральной России объезд и утверждение городов – уездных центров исполняли (за незначительным исключением) высшие административные лица – главнокомандующий в Москве или генерал-губернаторы, объединявшие под своим началом несколько губерний.

При выборе поселения на роль города – уездного центра местные сановники руководствовались рядом обязательных предписанных им свыше требований, по которым они отчитывались перед Петербургом о своем решении. В их число входили: наличие достаточного количества «здоровой» питьевой воды; достаточное число среди жителей представителей городских сословий или способность исправлять их обязанности; обеспеченность жителей; нахождение в центре проектируемого уезда; положение на крупной, активно функционирующей доро-

ге; наличие пристани; способность поселения исполнять обязанности местного рынка своего будущего уезда. Применительно к последнему критерию относилось, в частности, наличие «еженедельных торгов», расположение вдали от других городов, особенно тех, которые охватывают своей предпринимательской активностью уезд данного города.

При создании новых губерний все города, даже столичные, имели собственные уезды. Это не вполне удачное решение объяснялось, по видимому, двумя причинами. Первая – исторической традицией. В условиях постоянной колонизации России, начинавшейся с появления на пустующих неосвоенных землях городов, именно они трансформировали пространство в населенное, оживляли его. В итоге город и уезд не разделялись. На том этапе не было представлений о том, что город в принципе может не иметь собственного уезда. Пример этого дает изначальное наделение Вереи, включенной в состав Можайского уезда, также своим собственным уездом². Спустя несколько лет ничего подобного уже в принципе быть не могло. Вторая причина была связана с тем, что для осуществления административных преобразований катастрофически не хватало городов не только мало-мальски пригодных на роль уездных центров, но и просто как таковых. В итоге такие несоразмерные структуры, как столичные или наместнические города, выполняли смехотворную для них функцию уездных городов.

Второй этап подготовки к открытию губернии был связан с формированием новых структур, предписанных программой реформ. На этом этапе губерния именовалась наместничеством, и под таким двойным наименованием одна и та же территория присутствовала в целом ряде документов, отчего и ее глава часто обозначался то губернатором, то наместником³.

Главам регионов необходимо было привлекать к выборам местных дворян, обеспечить выдвижение ими кандидатов, а также обеспечить возведение необходимых зданий. Когда последние были в основном готовы, в губернском центре в особо торжественной обстановке проводилось дворянское собрание и выборы, на основании которых формировались новые местные органы власти.

Важной, по сути, обязательной частью проведения административной реформы на этом этапе были изъявление дворянскими обществами губерний различных добровольных (или полудобровольных) инициатив, высказываемых на дворянских съездах в преддверии открытия новых губерний. Они могли быть и личными, но чаще носили характер общественных. Благодаря им власти решали целый ряд вопросов по созданию в крае предписанных свыше «обязательно нужных» учреждений.

Третий этап – собственно открытие новой губернии и начало работы местных органов власти. С этого момента официально объявлялось о начале функционирования «наместничества» (в данной трактовке – губернии) или ее «открытии». В этот день в губернском центре устраивался праздник. Правда, его масштаб в разных местах был разным. Все зависло от личных амбиций, планов и черт характера каждого конкретного сановника.

Открытие присутственных мест по городам края велось строго по административной иерархии поселений – сверху вниз. Первоначально все было «устроено» в губернском (наместническом) городе. Затем главы администрации разъезжались для открытия присутствий по уездам.

Вместе с административными структурами начинали свою работу ведомства Приказа общественного призрения и Управы благочиния.

Хотя указ об открытии губернии совпадал с ее открытием и началом работы присутствий, завершением процесса оформления новой городской сети выступало присвоение городам губернии герба. Это более чем формальный акт. В представлении современников город служил и имел право (и обязанность) на атрибуты своего статуса, порожденного службой. Неслучайно герб утверждался на самом высшем уровне – сенатом и императрицей. Поэтому именно акт его установления являлся логичным завершением реформы города и административной реформы в данной губернии.

Функционирование системы местного управления и судопроизводства являлось одной из главных целей реформы. Власти возлагали большие надежды на ее открытие в регионах. Наибольший приоритет видели в ускорении делопроизводства. Поэтому с первых дней существования новых органов на данный вопрос было обращено исключительно большое внимание как со стороны местных руководителей, так и из Петербурга. Сложно сказать, насколько эта политика была результативна. По данному вопросу могут быть высказаны самые противоположные утверждения. В том числе и негативные. Так, например, нередко были случаи, когда в погоне за показателями, число разрешенных и сданных в архив дел увеличивалось искусственно. Судьи, не стремящиеся быстро решать дела, слыли «копотким»⁴. Тем более что по этому показателю определялась эффективность работы как их самих, так и их руководителей.

Однако бесспорным является и тот факт, что страна в лице городских присутствий получила систему управления, в которой она не только нуждалась, но которой ей остро не хватало для решения даже самых насущных задач в масштабе огромного государства. Эффективность внешней политики императрицы (которая в том числе решала внутренние проблемы) была

бы невозможна без наличия эффективной (хотя и несовершенной) системы управления империей. В том числе и за счет снижения делопроизводственной волокиты.

Судя по деятельности высших местных администраторов, они стремились добиться эффективности только что созданной системы не за счет ее умножения, а в результате усиления наиболее загруженных участков работы. Особенно это было заметно на примере Москвы и Московской губернии, где поток дел был особенно мощным в связи с исключительным статусом города как столичного и межрегионального центра.

При этом Екатерина II, за которой в общественном сознании почему-то закрепились репутация транжирки, была чрезвычайно упорна в своем нежелании выделять новые ставки для чиновников. Власти Первопрестольной в лице нескольких главнокомандующих города много лет убеждали ее пойти на уступку.

Типичной бедой бюрократического аппарата являлось казнокрадство. Одним из его проявлений в то время выступало массовое хищение в дорожном (особенно мостовом) строительстве, которое было невозможно без коррупционных схем. К слову сказать, императрица была осведомлена в данном вопросе и недвусмысленно предупреждала об этом своих сановников⁵.

Однако и в вопросе злоупотреблений со стороны местной администрации ситуация была не столь однозначной. По крайней мере в период проведения реформы города на рассматриваемых нами территориях случаи масштабного грабежа государственных средств со стороны высшей и средней части администрации уверенно фиксируются лишь единожды. Речь идет о владимирском генерал-губернаторе Р.И. Воронцове. Последствия его правления еще долго будут сказываться на судьбе вверенной сановнику губернии. Впрочем, его деятельность быстро оказалась на заметке у императрицы, которая явно ошиблась с выбором своего наместника. Впрочем, таких ошибок у великой императрицы было не много.

Если мы даже отстранимся от личностного фактора, на этапе устройства новых структур в городах грабить казну было сложно уже по тому, что объем необходимых к реализации задач был весьма обширен, реализовывались они часто с нуля, а имевшиеся в распоряжении местных властей финансовые возможности оставались всегда крайне ограниченными. Их остро не хватало даже на выполнение основных задач. Исключения представляли те случаи, когда большие средства выделялись одномоментно на закупку и концентрировались в одних руках: создание мобильных отрядов полиции, приобретение лошадей, формирование арсенала пожарного инструмента и т.п. Здесь случаи воровства фиксируются, но с ними боролись.

Воровство на этапе реформы сильно увеличено и зависело, причем в весьма значительной степени, от личности глав города или региона. Так, например, «новоучрежденный» город Московской губернии Никитск согласно плану реформ должен был получить средства на строительство соборного храма, что являлось обязательным условием для каждого новообразованного административного центра. Однако, будучи еще селом, Никитск обзавелся великолепным каменным храмом. Но деньги были не только выделены, они дошли до адресата. В итоге деньги пошли на улучшение сооружения, которое дошло до наших дней, почему эффективность их использования может оценить каждый желающий.

Одной из форм борьбы с недостатками управления (в т.ч. и хищениями) выступали различные ревизии. Многие генерал-губернаторы и наместники постоянно колесили по своим губерниям. Впрочем, наиболее болезненными для администраторов на местах являлись столичные ревизии, во главе которых стояли члены Сената. Система эта привела к тому, что местные чиновники пребывали в постоянном страхе от возможности внезапно оказаться перед судом сурового ревизора⁶. В том числе и поэтому комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» стала, так сказать, бестселлером того исторического периода и вызывала хохот.

Вот как, например, описывает владимирский губернатор прибывшего в его владения от удельного департамента ревизора – действительного статского советника Арсеньева: «Мужичок лукавый, скрытый и пронырливый, имел хорошие навыки, ума сведушего, знал прекрасно язык французский и обучен разным наукам, но нраву фальшивого, умел мягко стлать, а жестко было спать»⁷.

Административные, казенные и статусные здания. Город, став административным центром, получал не только набор обязательных функций, и исполняющих их учреждений, но и необходимую для них инфраструктуру. Для этой цели выделялась специальная, «особливо отпущенная»⁸ «строевая сумма»⁹, которая составляла 20000 руб. в год¹⁰. Она целевым порядком направлялась на возведение «казенных каменных публичных зданий»¹¹.

В их число входил целый ряд различных обязательных сооружений. В первую очередь административные и административно-хозяйственные. Так, строились жилые дома для служащих (городничего, землемера, архитектора и др. более мелких чиновников.), дома-резиденции высших лиц (генерал-губернатора, губернатора (наместника), вице-губернатора, губернского прокурора). Кроме того необходимо было обзавестись административными зданиями, т.н. присутственными местами для размещения

всевозможных структур: магистрата и его палат. В том числе казенной палаты, при которой располагалось губернское и уездное казначейства с хранилищем серебряной и медной монеты, бумажных ассигнаций. В помещениях нуждались управа благочиния; различные судебные инстанции; склады с казенными товарами и запасами и т.д. Для их размещения могло быть подготовлено одно или несколько сооружений, в соответствии с возможностями или ролью города в регионе.

Требовалось также построить (или найти и переоборудовать) целый ряд зданий, необходимых для работы Приказа общественного призрения. Как для нужд полиции (тюрьмы, «остроги», «ямы», новые «замки», будки, помещения для работы участковых, работные дома, смиренные дома и т.д.), так и в интересах пожарной службы (склады инвентаря, конюшни и т.д.).

Особое место занимали учреждения, находящиеся в ведении Приказа общественного призрения. Они составляли по крайней мере две большие группы. Первая собирала в себе все структуры медицинской и социальной помощи (больницы, аптеки, приюты и т.д.) Вторая – просветительские учреждения (школы, гимназии, училища, университет).

Совершенно особое место в процессе реформы города занимало строительство в них обязательных торговых рядов. Это были комплексные сооружения, которые вмещали в себя не только торговые, но и складские, а при необходимости и производственные помещения. Данный проект выступал частью государственной политики, которая преследовала цель за счет их массового учреждения добиться ускорения хозяйственной жизни городов и способствовать тем самым обогащению страны и ее казны. В итоге главные торговые сооружения городов возводились с особым размахом, порой излишним, и ряды порой стояли полупустыми.

Впрочем, в данном вопросе дело нельзя сводить только к ошибкам Екатерины II и ее сановников. Инициатива масштабности и вычурности торговых рядов принадлежала в не меньшей степени местным администраторам, а также городскому «обществу». С их помощью жители подчеркивали и особый статус своего поселения, и свой собственный, выступая его «гражданами».

Соперничать с торговыми рядами в этом отношении могли только соборные храмы, которые в обязательном порядке строились в городах. Особенно во «вновь учрежденных». Выполненные исключительно из камня, они должны были стать духовными центрами своего региона¹², а также соответствовать статусу города как центру уезда, губернии или огромного генерал-губернаторства.

В процессе устроения «необходимонужной» инфраструктуры город создавал здания, кото-

рые своим наличием или обликом указывали на его статус в поселенческой сети губернии и страны. Они являлись своеобразными знаками отличия на мундире города, который нес приписанную ему государственную службу. В итоге сооружения приобрели кроме узкой функции еще и признак статусности: присутственные места, торговые ряды, гимназии, главные соборные храмы, биржи, театры и т.д. Причем наличие данных построек и учреждений могло быть как закономерным результатом развития города, так и создаваться искусственно, в отрыве от реальных возможностей этого конкретного поселения. Их наличие настолько высоко ставилось местными чиновниками, что они нередко, несмотря на объективное отсутствие материальных возможностей и острой даже необходимости, упорно искали средства для возведения своего исключительного сооружения.

В качестве примера этого выступают театры. Так, один из них заработал в Калуге в день открытия здесь губернии, и воспринимался как признак столичности этого города, выступающего центром наместничества – своеобразного государства в государстве. То же можно сказать и о Москве, которая, правда, в отличие от Калуги, исправно несла на себе роль столицы империи.

Другой более яркий пример статусной масштабности (правда, к сожалению, нереализованной) – план строительства Екатеринослава (Новороссийска, Днепропетровска, Днепра) – наместнической столицы Юга России и ее генерал-губернатора Г.А. Потемкина-Таврического. В него с самого начала закладывались черты столичности: характер застройки, масштабный соборный храм «в подражание святого Павла, что вне Рима»; университет; театр, музыкальная академия. Весьма показательно и то, что центральная улица по своему облику и масштабу напоминала Невский проспект в Петербурге¹³. Строительство только присутственных мест должно было обойтись в 20000 руб.¹⁴

Подобная масштабность при проектировании многих городов в ходе их реформирования Екатериной II вызывала громкую критику со стороны либеральной историографии второй половины XIX в.

Историк И.И. Дитятин оставил фразу, которую повторяют до сих пор как доказательство провала предпринятой Екатериной II проекта по созданию в России нового города. Исследователь в своей работе с характерным названием «Русский дореформенный город» писал: «... как мы знаем, в конце концов, ничего не создали. Где эти великолепные «грады» с фонтанами и садами, ... Фантазия строителей оставляла след лишь на бумаге. В действительности от этой фантазии не осталось ничего, кроме уродливых присутственных мест, которых, порой, за отсутствием населения не кем было даже занять...»¹⁵.

Что можно на это сказать? Итогом реформы города Екатерины II даже не для самой богатой Калужской губернии, к тому же отягощенной своим приграничным наследием из умирающих крепостей, стало возведение не менее двух десятков (!) только типов (!) зданий. От Гостиных дворов и наместнических правлений до школ и соборных храмов. Многие из них превратились в символы городов, сформировав их облик, а сегодня они признаются как бесспорное культурное наследие. Более того, эти здания и по сей день исправно исполняют функции, возложенные на них в ходе преобразований второй половины XVIII в. За это время по городам только Калужской губернии было возведено 214 лавок (каменных – 62, деревянных – 152), кузниц – 34 (22 и 12 соответственно), частных домов – 989 (12 и 977). Вместе с прочими объектами не позднее начала 90-х гг. XVIII столетия пристроенными и вновь отстроенными по планам значится 1259 сооружений. И это только по одной губернии и только за первые 20 лет ее существования.

Кроме того не совсем уместно звучат слова И.И. Дитятина о том, что Екатерина II оставила итогом своей реформы города только «уродливые» присутственные места. Во-первых, непонятно, почему автор назвал их уродливыми? Столь же масштабно возводились и главные соборные храмы городов. Очевидно, беспристрастный историк не поставил под сомнение их уместность, по-видимому, исключительно из-за конъюнктуры своего времени. Кроме того, необходимо сказать, что Екатерина II, преобразуя город, создавала его заново как поселения, наделенные функциями и снабженные полной инфраструктурой для их исполнения.

Особой темой является культурная жизнь города в период реформы. Она породила (или первоначально формально требовала) учреждение клубов, театров, городских парков для гуляний и др. общественных форм. Но и они возникали в процессе развития городов, становясь обязательными атрибутами его жизни.

Склады стратегических казенных товаров. Важное место в планах переустройства города занимали сооружения «прочаго казенного строения».¹⁶ Под ними понимались в первую очередь склады («магазинны») для хранения государственных товаров – запасов соли и вина¹⁷ («виной и соляной») ¹⁸. Продажа соли представляла собой весьма важный источник дохода в казну губернии. Так, например, в Костромском наместничестве на 28 мая 1788 г. прибыль от ее продажи составляла более 243000 руб., или треть (32%) от всего размера ее «прихода»¹⁹.

Если соль несла средства для развития, то резервы хлеба создавались целенаправленно как способ преодоления социального недовольства. Особенно в крупных городах. В первую очередь в Москве. В период бездорожья регионы и по-

селения оказывались оторваны друг от друга. В итоге товары не поступали, и начиналась крайняя «дороговизна». Для борьбы с ней государство формировало собственные хлебные резервы и, выбрасывая их на рынок, сбивало цены. Одновременно власти использовали и сугубо административные методы²⁰.

О важности этой городской функции для Москвы говорит уже тот факт, что главнокомандующий дважды в неделю доставлял государыне отчеты о ценах на московском рынке, возможности начала «вздорожания». А в периоды межсезонья – и о местонахождении идущих к городу обозов с продуктами.

Несмотря на исключительную важность «казенных магазинов», их строительство было осуществлено далеко не во всех губерниях. Завершением процесса создания системы хлебных магазинов можно считать введение в 1802 г. единой формы отчетности по их работе²¹. Кроме того соляные магазины разрешили строить по более экономичным проектам.

Транспортные функции. Выступая узлами дорог, города несли на себе бремя обеспечения транспортного движения всей страны. Исключительную роль при этом играли городские мосты, позволяющие преодолевать большие реки и овраги. На тот момент транспортная система была практически не развита. К началу реформирования города Екатериной II единственным каменным мостом через крупную реку этого региона был Всесвятский (Большой каменный) мост в Москве, построенный еще в конце XVII в. Основную работу выполняли наплавные мосты. Но и их поддержание требовало постоянных значительных затрат – коммуникации рвались (а порой и полностью уничтожались) водой и льдом в период половодья. Город обязан был это восполнять, но средств на данную деятельность имелось в абсолютно недостаточном количестве. Для преодоления этой проблемы властям приходилось изыскивать дополнительные источники денег. В том числе за счет продажи городского имущества.

Положение дел в регионах было еще хуже. Так, например, на поддержание моста, построенного близ Серпухова специально к путешествию Екатерины II, не было выделено вообще никаких средств²². В итоге в период межсезонья, а также в результате стихийных бедствий, пожаров, уничтожающих мосты, целые как губернии, так и страны оставались изолированными друг от друга.

В правление Екатерины II на базе городов активно создавалась почтовая служба, которая не только получила штаты сотрудников, средства доставки, но и первые специально выстроенные здания. Данная структура функционирует и по сей день. Причем порой занимает те же самые помещения.

Частью процесса развития транспорта и связи станет создание карт губернии с обозначением ее дорог. Эта работа целиком ляжет на генерал-губернаторов и наместников.

Пожары и пожарная служба. Еще более крупной бедой города были постоянные и крайне опустошительные пожары. Для борьбы с огнем в ходе городской реформы Екатерины II были созданы особые структуры – Управы благочиния, которые с 1782 г. формировали команды «огнеборцев». Их «устройство» предусматривался значительный штат, средства доставки и тушения, что значительно расширяло возможности борьбы с огнем. Так, согласно штатам пожарной команды губернского города, принятых в 1782 г., он получал особую команду и набор средств. На каждую часть полагалось иметь по 90 чел. и 33 «огнегасительных» орудия²³; на квартал – 11 чел. и 9 пожарных инструментов²⁴. Набор последних был в целом очень разнообразен. От двух типов «труб» до различных швабр и войлочных щитов. Со временем в крупных и богатых городах возникли мобильные и сложно организованные отряды огнеборцев с набором инструментов и распределением функций. В распоряжении городов появились современные технические средств тушения (помпы).

Хотя реализация проекта оказалась связана с целым рядом трудностей, но его осуществление на местах дало городам инструмент эффективной защиты их от огня. Так, московская пожарная команда уже во второй половине XVIII столетия успешно боролась с пожарами. К 1804 г. местные «огнеборцы» были укомплектованы настолько, что власти полностью отказались от обязательной помощи жителей²⁵.

В уездных центрах положение дел было более скромным. В том числе и потому, что требовалось побороть косность и безразличие местного населения. Как в вопросах предотвращения возгорания, так и в отношении важности обзаведения требуемыми средствами. Но и здесь сдвиги заметны уже в первое десятилетие XIX столетия. Причем даже в самых малых поселениях.

Показательно, что в разных городах городские пожарные станции, устроенные изначально еще при Екатерине II, функционируют по сей день на том же самом месте.

Полиция, как и пожарные службы, находилась в ведении Приказа общественного призрения. Считается, что уровень преступности в городах этого времени был невысок. Это так лишь отчасти. Хотя правонарушений действительно фиксировалось несравнимо меньше, чем, например, в конце XIX в., абсолютно обыденным явлением второй половины XVIII в. были массовые разбои как на дорогах, так и в крупных городах. Для борьбы с ними использовали кавалерские части гарнизонов, но, когда они уходили из городов к местам военных действий, главы

губерний, без преувеличения, умоляли императрицу вернуть в их распоряжение хоть какие-нибудь армейские силы²⁶.

Создание в городах разветвленной полицейской службы, с разбивкой территории поселений на части и кварталы, не снимало многих проблем, но упорядочивало положение дел. Кроме того формировались подвижные (гусарские и драгунские) полицейские части. Силы правопорядка отвечали за целый ряд вопросов: контроль въезжающих в город и покидающих его; поддержание «пристойной тишины» во время массовых мероприятий²⁷; и др.

Однако созданная система сыска работала явно неэффективно даже в Москве, что нашло свое отражение в источниках. Так, в частности, в марте 1790 г. принявший Первопрестольную новый главнокомандующий генерал-аншеф А.А. Прозоровский писал московскому обер-полицеймейстеру и кавалеру Толю: «По жительству моему здесь заметил также я, что нередко случались воровства, но воров весьма редко ловили, хотя и снабжена полиция слишком довольно чиновниками... есть и сверх комплектные двадцать пять штаб и обер-офицеров, но все они кажется каждой имел попечение о собственности только своей, а не о должности; чему служить примером и сие, что во время моего здесь уже начальства в ночи ограблен был один серебреник, и когда я требовал, чтоб виновные были, конечно, пойманы, то оных и поймали; следственно, если прежде ловлены не были, то не для того, что не могли частные начальники, но не хотели...»²⁸.

Документ содержит и другие примеры слабой работы полиции. В том числе и злоупотребления ее чинов. Однако о привычных до того разбоях речи уже нет совсем.

Пенитенциарная система являлась непременной частью работы по наведению правопорядка. Тюремь – это обязательная функция и атрибут любого города наравне с присутственными местами или соборным храмом.

Имевшаяся ко времени правления Екатерины II пенитенциарная система была сформирована в предшествующие исторические периоды и уже не справлялась с ложащейся на нее нагрузкой. Показательно и неслучайно, что в отношении тюрем использовалось крайне архаичное уже к тому времени слово «острог».

Во многом в связи с устарелыми формами содержания под стражей и соответствующими строениями во всех городах страны (особенно больших городах) положение колодников было, без преувеличения, ужасающим. Одна из причин этого состояла в перенаселенности тюрем²⁹. Главнокомандующий Москвы генерал З.Г. Чернышев, которого трудно подозревать в сентиментальности, писал императрице после посещения одной из них: «колодники в содержании претерпевают крайнее изнурение, ум-

ножающее наказание выше меры некоторыми содеянного»³⁰.

Пенитенциарная функция была непременной обязанностью каждого без исключения города. Однако наиболее трудно приходилось Москве и Владимиру, которые являлись главными центрами сбора арестантов, отправляемых далее по этапу. В итоге тюремная система именно этих городов пополнилась новыми учреждениями. Кроме того в 1787 г. Екатерина II создаст проект Устава о тюрьмах, заложив в нем основы будущей пенитенциарной системы России. В частности, предписание императрицы содержало требование: «Тюрьмы строить замком. Замку быть камени, чтоб из оного уход никто учинить не смог...»³¹. Эта форма станет основой планов тюремного строительства, развернувшегося в XIX в. Неслучайно слово «замок» будет обозначением тюрьмы как таковой, вытеснив древнее понятие «острог».

Приказ общественного призрения стал второй после Управы благочиния крупной структурой, непременно предписанной каждому губернскому городу. Благодаря его деятельности в городах (в первую очередь губернских центрах) была создана система различных медицинских, социальных и иных благотворительных учреждений: инвалидные дома для отставных военных и статских служащих; работный и смиренный дома; богадельни; дома трудолюбия; созданные попечением государства, императрицы и частных лиц больницы; дома для призрения брошенных и осиротевших детей; частные и казенные аптеки. Кроме того в это же время предпринимались попытки создать санитарную инспекцию и ветеринарную службу. Государство впервые начало (хоть и не без проблем) заполнять штатные вакансии врачей по уездным городам. В начале XIX в. во всех губернских центрах работали аптеки. Причем их функционирование являлось результатом как государственной, так и частной предпринимательской деятельности.

В распоряжении Приказа общественного призрения были проценты от положенной в банк капитальной суммы. Кроме них активно привлекались средства меценатов. В огромной степени благодаря им функционировали имевшиеся и возникали новые социальные структуры. Приказу было особенно предписано привлекать частные средства для развития системы социальной помощи, лечения и просвещения.

Органы просвещения также входили в ведение Приказа общественного призрения, устраивались и финансировались из его казны или за счет его усилий.

Государство, реализующее программу реформ в эпоху Просвещения, важнейшей своей задачей видело создание в стране системы образования. Местом реализации неизбежно выступали только города.

Процесс этот был сопряжен с огромными трудностями как финансового и организационного, так и мотивационного характера. Так, например, в уездных центрах создание школ вызывало большую проблему не только из-за отсутствия средств, но и в связи с желанием обеспеченных городских граждан учить своих отпрысков «по домам», а «для школ», как писали императрице с мест, «остаются само бедных дети»³².

Однако именно при Екатерине II в городах (в первую очередь губернских) заработали постоянно действующие учебные заведения – Главные народные училища и «малые школы». Причем происходило это в условиях преодоления постоянного финансового голода, из-за чего власти буквально «продавливали» открытие городских школ, что стоило огромных усилий и поиска дополнительных источников финансирования. В те же годы Московский университет, основанный ранее, получил средства на свое развитие, а также обширное пространство в самом центре города, которое занимает и поныне.

Учебные заведения возникали также благодаря инициативе просвещенных меценатов и патриотов своего края (Ярославское училище высших наук) или сословных корпораций (дворянские и коммерческие училища).

Во второй половине XVIII столетия активно менялась атмосфера города и его характер. Он превращался в **активного потребителя и ретранслятора культуры**. Большим спросом пользовалась книжная продукция, причем самого разнообразного содержания: от привычной церковной книги до произведения Вольтера и календарей Французской революции³³. Это все возрастающая любовь к чтению создавала большие трудности для московской полиции, так как столичный город оставался главным центром книготорговли в регионе.

Второе место в деле распространения печатного слова занимал Ярославль. В начале сентября 1811 г. здесь действовала типография и полдюжины книжных лавок³⁴. Торговля книгами велась и в некоторых уездных центрах. Так, например, в Угличе значилось сразу 9 «книгопродавцев»³⁵.

Неудивительно, что рост интереса к книге получил свое развитие: в городах стали возникать публичные библиотеки, собранные благодаря инициативе жителей края и на их пожертвования.

В крупнейших центрах развивалась и усложнялась общественная и культурная жизнь. Появлялись «клубы», научные общества и иные формы «культурного» времяпрепровождения: вечера, гуляния в общественных парках и т.д. Даже в небольшом и аграрном Владимире начала XIX в. привычными стали балы, заработала школа танцев, сезонные представления стал давать гастролирующий театр, который пользовался успехом³⁶.

Именно в период правления Екатерины II театральная культура становится неотъемлемой частью общественной жизни крупного города. Наиболее заметно это было в Москве, где помимо эстетического и рекреационного начал театр имел значение статусного признака – черты, присущей столичному городу. Таким образом, для Первопрестольной, официально именованной столицей, обзаведение собственной театральной структурой (несмотря на весьма тернистый путь этого процесса) было признаком, подтверждающим ее соответствие своему официальному статусу. Кроме того все более успешное функционирование в городе театра в период, когда ощущалась постоянная нехватка зрителей – потребителей театральной продукции, говорило об изменении уровня культуры и самих москвичей.

Возникновение театра имело место и в других, сугубо провинциальных губернских центрах (Ярославле, Калуге, Владимире и др.). Это отчасти было связано с тем, что они выступали в качестве наместнических столиц и являлись результатом административных амбиций глав этих «сатрапий». Часто для функционирования театров в провинции не имелось достаточной базы. Однако театры, будучи поддержаны властями, смогли укорениться в ряде городов. При этом они не только остались в их жизни, но и создали новую культурную среду, что привело к росту уровня культуры самих местных жителей. Без обоих обстоятельств сохранение в городах театров было бы невозможно даже по материальным соображениям. Естественно, это не могло произойти без опеки театра со стороны как власти, так и меценатов.

Характерный пример данного процесса дает история провинциального Калужского театра. Будучи проектом амбиций первого генерал-губернатора, театр возник при открытии наместничества в 1777 г. Город и губерния на рубеже XVIII-XIX вв. не испытывали острой потребности в наличии у себя этой структуры. Однако уже во второй четверти XIX в. калужский театр стал неотъемлемым признаком губернского города. Когда в 1820 г. пожар уничтожил его здание, новое (более современное, удобное и красивое) возникло на прежнем месте спустя всего 1 год. Когда через 15 лет сгорело и оно (1836 г.), театр не исчез, а продолжал свою работу «в загородном саду, в губернаторской даче»³⁷. Но здесь он не задержался, т.к. уже в 1842 г. состоялось открытие третьего, еще более современного здания. На его сцене, помимо местной и гастролирующей трупп, играли выдающиеся русские актеры того времени И.С. Мочалов (1845 г.) и М.С. Щепкин (1846 г.) и др. Очередное здание было построено в 1875 г., причем работы выполнялись на средства собранные от пожертвований как крупного мецената и властей, так и жителей края³⁸.

Создание регулярного города. На учреждении губернского и уездных центров края план Екатерины II по преобразованию городской сети страны не заканчивался. Он предполагал создание нового «регулярного» города. Это подразумевало исправление или создание с чистого листа современной «рациональной» планировки, а также возведение определенного набора зданий, требуемых городу для выполнения им своих функций (административных и хозяйственных). Причем здания не просто выстраивались где придется, а вписывались в разработанную архитекторами пространственную структуру города.

Если «новоучрежденные» уездные центры не открывались без «высочайше подтвержденного» регулярного плана, то старые города перестраивать на новых началах было делом трудновыполнимым. Но власти нашли выход, осуществляя планы переустройства по местам пожаров, которые были многочисленны и крайне опустошительны.

Внедрение регулярного плана рассматривалось как важная мера не только придания поселениям более благообразного вида, но и условие качественного развития городов, создания предпосылок для их скорейшего развития. По сути это был способ через «благоустройство»³⁹ обеспечить появление «подлинного» города. Ожидалось, что правильно выстроенный город немедленно ответит мощным процветанием и увеличит доходы казны. Это, бесспорно, было одной из иллюзий реформаторов. Неудивительно, что Павел I отказался от этой весьма затратной, но все же призрачной идеи. Однако никто, и даже он не отрицали, что русский город-крепость должен избавляться от старых черт, мешающих его развитию, и обрести новые – способствующие этому развитию.

Изменение облика уездных городов. В начале XIX в., по свидетельству современника К. Германа, опубликовавшего в 1808 г. описание Ярославской губернии, «в каждом из городов края» уже имелось казенное здание, чаще всего выстроенное из камня. Однако «большее количество оных, и красивейшие находятся в городе Ярославле, как то дома губернаторский, вице-губернаторский, губернское правление, ратуша, воспитательный дом, губернская гимназия, 2 дома почтовых, 4 казармы, госпиталь, смиренный дом, хлебный и соляной магазины. Вообще считается здесь 17 зданий; а прочие города имеют только нужнейшие для своего штата, по большей части каменные; многие из сих зданий требуют не малой починки»⁴⁰.

Заметное преобразование претерпели поселения и других, менее богатых регионов. Так, оценивая трансформацию облика и структуры подмосковной Коломны за вторую половину XVIII в., историк Е.Л. Ломако (посвятивший этой теме

отдельную монографию) приходит к таким выводам: «В XVIII в. Коломна входила средневековым городом, а по окончании столетия это был уже совсем иной город, с выпрямленными улицами, с большим количеством как культовых, так и гражданских зданий. Последнее пятнадцатилетие XVIII в. отмечено претворением в жизнь нового плана города, окончательным разрешением спорных моментов, выработкой общих требований и подходов при наделении горожан землей»⁴¹.

Последняя четверть XVIII столетия не завершала преобразования города, а оформляла перечень насущных задач, к исполнению которых только приступили. В сфере преобразования облика и городского хозяйства, как и во многих других аспектах, обозначенных городской реформой Екатерины II, работа будет продолжаться в следующем столетии. Что было вполне естественно, учитывая как сложность задачи, так и простор России, помноженный на наличие ограниченных средств, которыми владела страна, и наличие внешней опасности. Развитием дальнейшего процесса преобразования города на новых началах стала публикация в конце 1800-х - 1810-е гг. альбомов образцовых чертежей для губернских и уездных городов⁴².

Генеральный план реконструкции Москвы Екатерины II. Москва занимала исключительное место в процессе создания нового города. Был создан целый план реконструкции с созданием необходимой для нее промышленной инфраструктуры. Первопрестольная должна была измениться кардинально. Это было связано не только с общим процессом преобразования городов страны, построения пространства на рациональных началах, но и требовалось в связи с необходимостью придать городу необходимый для его столичного статуса облик.

Во главе модернизации встал выдающийся архитектор М.Ф. Казаков. За небольшой отрезок времени Москва заметно преобразилась. Был подвергнут реконструкции ее центр – Охотный ряд и Красная площадь. Возникли новые статусные здания. Наиболее заметными среди них стали Сенат, университет, Голицынская больница, Благородное собрание и др. Многие были сделаны в рамках рядовой застройки. В частности, принят к реализации план устройства домов для приходского духовенства на общую сумму в 317730 руб.⁴³ Подошли вплотную к открытию на базе Симонова монастыря московской духовной академии⁴⁴ и т.д.

Однако «Москва Казакова» и все, что было связано с ней как с единой градостроительной идеей, сгинуло в огне войны 1812 г. Узнав об этом, архитектор скончался. Высказанные им идеи позже будут использованы при восстановлении города.

Наряду с Первопрестольной большое значение придавалось облику губернских центров,

которые к тому же нередко являлись «столицами» генерал-губернаторств.

Благоустройство. Переустройство городов на новых регулярных началах предусматривало создание в них более благоприятной среды для жизни. В поселениях формировалась система уличного освещения; мостились улицы и площади; устраивались места для общественных гуляний; вывозились накопившиеся нечистоты; срывались пережившие свой век руинированные крепостные стены, а территория на их месте подвергалась благоустройству. Впервые были предприняты попытки восстановления исторических зданий. В частности, Золотых ворот во Владимире⁴⁵. В Москве, помимо прочего, были частично укреплены берега Москвы-реки, сооружен Водоотводный канал и заработал масштабный Мытищенский водопровод.

Давно уже стерлось из памяти, что многие ныне существующие места гуляний не просто возникли в период и в результате реформы города Екатерины II, но были преобразованы буквально из руин, болот, свалок и крепостных рвов, наполненных «сором, всяким пометом и нечистотою». Уже в первой четверти на их месте стояли: в Москве – Александровский сад, Театральная площадь, первые бульвары Бульварного кольца; в Ярославле – Волжская набережная, Липовая аллея; во Владимире – Большой бульвар перед Успенским и Дмитровским соборами, парк для гуляний на берегу Клязьмы; и др.

Военно-квартирочная функция. Наличие квартирующих войск было неременной частью жизни даже небольших городов.

Входившие или располагавшиеся поблизости части заметно меняли не только жизнь в городе, но и его облик, занимаясь возведением целого набора необходимых для их пребывания здесь сооружений: конюшни, сараи, «артиллерийские построения» (ангары), арсеналы, пороховые погреба, «караульные дома, будки, шлагбаумы», лазареты, «кузницы и мастерские избы» и т.д.⁴⁶

Были города, имевшие постоянные гарнизоны. К ним относилась Москва – второй «столичный город» и центр важнейшего региона страны. Во второй половине XVIII в. здесь находилась особая Московская дивизия. Помимо нее в город прибывали и иные подразделения, а также велось комплектование новых частей.

Наибольший наплыв солдат в города в рассматриваемое время произошел по возвращении русской армии из Европы после поражения наполеоновской Франции. Общественный подъем и восторг жителей от прибывания к ним победоносных сил великолепно описан А.С. Пушкиным в повести «Метель».

Однако наличие большого числа военных было сопряжено также и с определенными трудностями и даже опасностями. Особенно при

квартировании подразделений, в которые «назначались» «к высылке бродяги и преступники, годные к продолжению полевой службы», что стало итогом разорения страны в ходе Отечественной войны 1812 г. В 1817 г. данная категория отправлялась в части 6-й, 8-й 10-й и 17-й пехотных дивизий, штабы которых располагались соответственно в Ярославле, Юрьеве-Польском, Владимире и Коломне⁴⁷. Впрочем, благодаря рассеиванию агрессивных элементов среди многочисленных дивизионных соединений происходила их нейтрализация.

Обязанность представления поста являлась одной из самых тяжелых повинностей. Стремясь преодолеть ее, как центральные, так и местные власти искали способы к устройению по городам казарм. Наибольшие успехи были достигнуты в этом вопросе в Москве в правления Павла I. Впрочем, и эти сооружения не решали всех проблем, стоящих перед квартирмейстерской службой армии.

Внешние факторы, оказывавшие определяющую роль в преобразовании городов.

Первым из них необходимо назвать **особенности региона**. Процесс формирования сети городов в разных частях страны происходил с разной степенью успешности. Старые регионы (Владимирский и Ярославский) относительно легко справились с поставленной перед ними задачей. Власти Калужской земли, находившейся на стыке Центральной России и пространств только обживаемого и совсем еще недавно небезопасного юга, приложили немалые усилия в поиске подходящих претендентов на города при формировании новой административной системы.

Наиболее развитым и наполненным старыми городами выступил Московский регион. Он же стал донором потенциальных уездных центров для сопредельных территорий. От исходного пространства – Московской провинции бывшей до того «большой» Московской губернии – в процессе создания новых «малых» губерний забирались города и территории, формируя городскую и уездную сеть соседних административных регионов. В итоге городская сеть Московской губернии сформировалась по остаточному принципу, обеспечив своим городским ресурсом городские сети соседних образований, передав им свои исторические города, которые в связи с этим сохраняли устойчивую связь с Москвой.

Исключительно важную роль в осуществлении реформы играли сановники-реформаторы (губернаторы, наместники, генерал-губернаторы, главнокомандующие в Москве), от личностных умений, административного таланта, личных целей и амбиций, черт характеров этих людей напрямую зависел результат преобразований. Особенно в первые годы проведения

реформы, когда создавался фундамент будущей структуры, буквально все лежало на них. Дворяне, на гражданскую активность которых власти весьма рассчитывали, быстро увлекшись реформами, также стремительно остывали к ним. Главе края приходилось искать способы, чтобы привлечь представителей «благородного шляхетства» к решению местных задач. Но это удавалось далеко не всегда. Один из местных чиновников высшего ранга вспоминал, что при «выборе судей» его дворяне «наполнив огромную залу, шумели и спорили о пустяках. Самые низкие страсти руководили каждым... Терялось наружное даже приличие»⁴⁸. Далеко не везде сами залы для дворянских выборов имели пристойный вид: на столах лежали старые скатерти, «изношенные еще в воеводских канцеляриях». Не хватало столов. По вечерам зажигали дешевые и сильно пахнущие сальные свечи, которые за неимением подсвечников втыкали в разбитые бутылки. Не все заседавшие отличались высокими моральными качествами: «Нередко после обеда выводили из собрания дворян безобразно пьяных»⁴⁹.

Сановники на местах должны были отличаться аккуратностью в денежных вопросах, бороться с казнокрадством и даже разоряться, но реализовывать поставленные перед ними задачи. Хорошо известно, что Екатерина II обладала талантом в подборе кадров. Судя по всему единственным (в рамках рассматриваемого региона) ее упущением стал Р.И. Воронцов.

Рассмотрим некоторых из руководителей регионов.

М.Н. Кречетников (наместник в Калужской губернии) был весьма амбициозным человеком, но при этом бесспорно опытным (служил под началом и руководством Я.Е. Сиверса) и способным администратором. Лично предпринимал многое к упорядочиванию вверенного ему хозяйства. Особый интерес при этом питал к системе управления (штатам, распределению функций, эффективности работы чиновничьего аппарата). Сформировал ряд проектов, собственноручных аналитических записок, посвященных вопросам необходимых штатов служащих, их изменений для более эффективного управления, использования возможностей для развития городов края и др.

Сам М.Н. Кречетников много и скрупулезно работал, что хорошо заметно при сравнении подписи с почерком в документах⁵⁰. Всегда лично разбирался с поступившими из Петербурга бумагами. В готовые проекты многое вписывал постскрипtum. Не являясь уже наместником в Калуге, он в 1791 г. находился в Киеве. Здесь, помня, что в своем наместническом центре оставил недостроенным главный городской храм, искал деньги на его завершение⁵¹.

А.П. Мельгунов (генерал-губернатор в Ярославской губернии). Детально относился к им-

ператорским заданиям, был аккуратен в переписке и делопроизводстве. Лично, своей рукой, составлял даже проекты. В финансовых вопросах пользовался безусловным доверием императрицы: Екатерина II отправляла ему столько денег, сколько он просил. В 70-х гг. XVIII в. начал бить тревогу о хищническом истреблении лесов в подведомственных ему землях⁵². Добился создания резервов хлеба для стабилизации цен и недопущения недовольства⁵³. Проявлял инициативу и большую активность в вопросах благоустройства городов. Стремясь к достижению поставленных перед ним задач, действовал порой почти насильственными методами (мощение улиц камнем, противопожарные меры, изъятие у дворян средств на всесословное училище), чем вызвал такое сильное возмущение, что о нем стало известно даже в Петербурге.

Екатерина II ценила этого человека, несмотря на его связь с ненавидимым ею Петром III. Доказательством этого является то, что А.П. Мельгунову доверили создание ряда губерний (Ярославской, Вологодской и Архангельской) и руководство обширным генерал-губернаторством. Несмотря на все жалобы на сановника Екатерина II наградила его 29 ноября 1780 г. высшим орденом империи – Андрея Первозванного⁵⁴. Осенью 1783 г. к нему добавился Владимир I-й степени⁵⁵.

А.П. Мельгунову был присущ волюнтаризм решений. Но, несмотря на это сам он искренне чуждался внешнего блеска. Своим поведением всемогущий генерал-губернатор скорее походил на бессребреника. Сменивший его на посту Е.П. Кашкин обнаружил, что дом важного сановника (в котором и ему предстояло жить самому) «пристроенной на скорую руку, и из брусьев, между двух небольших каменных домов под кожевенным заводом бывших и продолжением 12-ти летнего времени толико пришел ветхость, что, без необходимых починок не к украшению, но к охранению от стужи и ветров в оном поместиться было ни как не можно»⁵⁶. Это было временное пристанище, куда наместник официально переехал, уступив губернатору капитальный архиерейский дом, в котором до того проживал сам.

Е.П. Кашкин был человек другого плана. Первым делом он поспешил достроить соответствующий его чину дворец, намереваясь употребить «достальные (недостающие. – А.Б.) 1586 руб. 40 коп. с четвертью ... из суммы в ведении моем состоящей на огнегасительные орудия орудии определенной»⁵⁷! Понимая, что для городов означала борьба с пожарами, этот поступок говорит сам за себя.

Показательна фраза историка И.И. Дитятина, который обосновывал деятельность наместников генерал-губернаторов в городах как противоестественную. О них историк писал с ехидной иронией «какой-нибудь генерал-майор»⁵⁸. Это

вполне подходит к личности А.П. Мельгунова. Екатерина II, которая славилась талантом подбирать людей, охарактеризовала его по-своему: «очень и очень полезный человек государству».

Р.И. Воронцов (генерал-губернатор во Владимирской губернии) успешно позиционировал себя как сторонника новых прогрессивных форм управления и ведения хозяйства. Был известен императрице в качестве одного из учредителей Общества для поощрения в России земледелия и промышленности⁵⁹ и, бесспорно, заинтересовал ее своими перспективными экономическими проектами. Однако на практике оказался не в силах их осуществить.

Став администратором, Р.И. Воронцов, судя по текстам его письменных «доношений», был склонен всячески подчеркивать свой личный вклад в работу. Так, при пожаре в одном из городов он лично (что особо подчеркивалось им в письме в Петербург) сорвался и изъявил стремление узнать причину несчастья, а также самостоятельно устроить все наилучшим образом. Его рапорты Екатерине II наполнены выпендренными восхвалениями императрицы, которые скорее походят на очень грубую лесть. Например: «Я оставил нравы и сердце приготовленные к восприятию сих мудрых законов и равностнейшую нетерпеливостью побуждаемая видеть начало обещанного ими благополучия...»⁶⁰. Подобное встречается неоднократно⁶¹.

При этом многое из буквально страстно обещанного генерал-губернатором своей императрице к выполнению, причем в самое ближайшее время, так и осталось несделанным. Как это произошло, например, с присутственными местами, не выросшими выше фундамента и открытыми уже другими сановниками спустя много лет после обещанного Р.И. Воронцовым срока. Причем на строительство регулярно выделялись деньги. Таким образом, приписываемая Екатерине II фраза в отношении Владимирского генерал-губернатора: «Роман – большой карман» – имела под собой вполне весомые основания.

Р.И. Воронцову принадлежал проект создания на местах хлебных резервов, что было высказано в статье, опубликованной им в Трудах Вольного экономического общества. Но реализовать ее позиции в своих владениях генерал-губернатор не смог. Более того, из-за крайне неудачного руководства Р.И. Воронцовым Владимирский край заметно отставал от других регионов в деле претворения в жизнь основных позиций реформы города. В итоге было упущено время и потеряны средства. Украл их сам сановник или кто-то из его окружения, а может, они просто оказались «закопаны» в землю в результате многих неудачных решений, в данном случае неважно. Отрицательные последствия его правления пришлось преодолевать многим последовавшим затем администраторам.

В.М. Долгоруков-Крымский (главнокомандующий в Москве). Заслуженный, но медлительный старик. Успехи его правления во многом являлись результатом деятельности губернатора Н.П. Архарова. Впрочем, между двумя сановниками установились (судя по содержанию документов⁶²) хорошие деловые отношения. Пользуясь этим, главнокомандующий часто оставлял губернатора исполнять свои обязанности.

При В.М. Долгоруком-Крымском было весьма слабое делопроизводство. В делах отсутствуют важные материалы, которые непременно имеются в других генерал-губернаторствах. Главнокомандующий явно не жаловал бумажной работы. Впрочем, он манкировал и другие важнейшие свои обязанности. Так, главнокомандующий в Москве отстранился от личного осмотра будущих городов. По сути он провалил процесс открытия Московской губернии, и его пришлось перенести почти на год. В итоге работу М.В. Долгорукого-Крымского все равно пришлось исполнять, но уже другому **московскому главнокомандующему З.Г. Чернышеву**. Именно он и Н.П. Архаров много сделали для подготовки открытия в 1782 г. Московской губернии. Особенно много внимания З.Г. Чернышев уделял вопросу более эффективной работы присутственных мест. Немолодой сановник неоднократно пускался в путь по вверенным ему территориям, несмотря на непогоду и дороги. Неудивительно, что он умер в 1784 г., т.е. почти сразу после начала работы созданной им административной единицы.

После смерти З.Г. Чернышева за ним остались большие долги⁶³. Хотя в источниках нет указания на взаимосвязь разорения с исполнением должности, но по аналогии с другими ситуациями это более чем возможно. После главнокомандующего его преемник Я.А. Брюс стремился выгодно продать дом З.Г. Чернышева в Москве. Судя по масштабу хлопот это было что-то большее, нежели простое стремление возратить деньги. Можно предположить, что тем самым власть пыталась оказать своеобразную помощь родственникам почившего и заслужившего ее милость администратора, как знак признательности за проделанную им работу.

Я.А. Брюс (главнокомандующий в Москве). Летом 1786 г. (т.е. вскоре после вступления в должность) сильно заболел, просил отставку, но получил лишь «увольнение... на время»⁶⁴. С этого момента документы канцелярии наместника подписаны Петром Еропкиным. Я.А. Брюс болел, но тянул, что мог и как мог. По сути, он был только послушным исполнителем личной воли Екатерины II⁶⁵, которая через него сама осуществляла управление своей второй столицей. В итоге 3 июля 1786 г. «генерал Аншеф и разных орденов кавалер граф Яков Александрович Брюс» получил просимую им от императрицы отставку.

А.А. Прозоровский (главнокомандующий в Москве). Лицо весьма неоднозначное. О.Э. Чаянова охарактеризовала его не иначе как малообразованным человеком и грубым солдафоном, стремившимся все подчинить нормам военной дисциплины⁶⁶. Это, по-видимому, имело под собой основания. Однако А.А. Прозоровский был еще и беспринципным офицером, позволявшим себе говорить, что он хочет и кому хочет. Удивительно, но данный принцип распространялся даже на императрицу, что хорошо видно из некоторых его «репортов»⁶⁷.

Другим важнейшим фактором проведения реформы города выступал **постоянный дефицит средств**, остро необходимых как для осуществления плана преобразований, так и для поддержания функционирования городов. Масштабные реформы требовали средств, но проводились в стране, обладавшей скромными доходами. Кроме того, реформы, в основном задуманные и начатые в мирное время, приходилось реализовывать в жизнь в условиях крайнего напряжения практически не прекращающихся войн, ведущихся порой на два фронта. В итоге одной из главных задач, стоящих перед властями на местах, был постоянный поиск необходимых сумм и залатывание финансовых дыр. Сановники вечно «скребли по сусекам». Для разрешения проблем шли даже на продажу казенного имущества.

Благотворительная деятельность сыграла совершенно исключительную роль в деле устройства городской структуры. Без помощи меценатов программа реформирования города не могла быть решена в принципе. По крайней мере за обозримый период. На частные средства (полностью или частично) финансировались и даже полностью устраивались многие (существующие поныне) социальные, лечебные и учебные структуры. Благодаря помощи благотворителей финансировалось даже формирование некоторых частей московской полиции⁶⁸.

Использование спонсорской помощи было особым образом прописано в § 392 «Учреждений для управления губерниями»⁶⁹. По сути, это положение означало приказ изыскивать и привлекать имущих людей для решения проблем города. Нередко, как, например, в случае с А.П. Мельгуновым, это делалось на полудобровольных началах.

Кроме того неоценимый вклад в реализацию реформ Екатерины II внесла **Русская Православная Церковь**. Она, по сути, стала вместе с государством главным донором реформы города и административно-территориального устройства страны. Накопленные церковью богатства, а также поселения и сооружения активно привлекались властью для осуществления преобразований. Так, на месте подмонастырских сел устраивались города; помещения (как

секуляризованные, так и оставшиеся в ведении монастырей и священников) передавались под самые разные нужды местного управления, и в них помещались присутственные места, казенные склады, образовательные учреждения, целый ряд других сугубо гражданских заведений. Вплоть до армейских казарм. Зерно, собранное в бывших монастырских селах, перешедших после секуляризации в разряд экономических, стало основой для формирования резервных «хлебных магазинов» в городах ряда губерний. Для второй половины XVIII в. в целом была характерна ситуация, когда власть рассматривала церковь (и ее экономический потенциал) как источник своих доходов⁷⁰.

При этом церковь выступала не только источником материальных средств, но и охотно шла на сотрудничество с властью, искренне поддерживая социально-административные реформы императрицы, чему есть яркие примеры⁷¹.

Другой стороной участия церковного населения в деле преобразования города стал тот потенциал, который изначально несли **города – епархиальные центры**. Большое влияние на развитие поселений сыграла их роль в качестве древних центров православия и культуры. Все 4 губернских города, входивших в ядро Центральной России, одновременно являлись центрами епархий. Москва занимала место одной из всего лишь 4-х епархий 1-го класса, Ярославль – одной из 12-ти 2-го класса, а Калуга с Владимиром относились к центрам епархий 3-го класса, которых в стране было не более 20⁷².

Также на территории края находился целый ряд городов, пользующихся особым расположением верующих. Облик города и жизнь в нем формировались под влиянием особо почитаемых храмов и монастырей⁷³, их культурного, образовательного, экономического потенциала. Кроме того и паломничество к особо почитаемым обителям несло прибыль в казну городов и карманы местных жителей, создавая, по сути, еще одну функцию городов и дополнительные возможности для существования их «граждан».

Это обстоятельство с одной стороны создавало ряд условий, способствующих развитию культурного потенциала края (традиции образования, кадры, наличие пригодных для использования каменных зданий и др.). С другой – само являлось результатом этого развития, формирующегося на протяжении многих столетий под прямым влиянием Русской Православной Церкви.

Нельзя отрицать и такое важное условие осуществления реформы города, как **личный вклад Екатерины II**. Императрица не только сформировала подробный план преобразования, но и принимала активное участие в его выполнении. Личной заслугой государыни был выбор исполнителей на местах и в центре –

проводников ее идей, среди которых оказалось немало добросовестных и умелых администраторов. Кроме того Екатерина II принимала участие в утверждении принятых ими решений, конфирмации всех планов, а порой занималась и опосредованным руководством отдельными губерниями, в первую очередь столичными, что согласовывалось со статусом их центров.

Заслугами императрицы были усилия по поиску дополнительных средств, а также решения по их выделению. Известны случаи, когда государыня изыскивала недостающие ресурсы, изымая их буквально у себя. Как в форме личных пожертвований, так и в виде передачи денег и материалов, находящихся в распоряжении дворцового ведомства и идущих на поддержание ее резиденций в Москве. Есть письма, где она просит (!) руководителя ведомства не противиться просьбам главнокомандующего в Москве и дать требуемое им на нужды города.

Главные результаты и особенности реформы города. Ее завершение. Таким образом, формируя новую городскую сеть страны, императрица и коронная администрация стремилась создать город, соответствующий реалиям Нового времени, отказаться от пережитков прошлого не только в сословной структуре (чему посвящена подавляющая часть исследований по истории русского города этого периода), но и добиться перестройки в сфере исполнения городом приписанных ему функций. В первую очередь как административного центра. Только в ходе преобразований Екатерины II русские города впервые получили (пусть и несовершенную) систему благоустройства, заработали органы полиции и пожарные службы. Причем последние местами достигли достаточно высокого для того времени уровня. В ряде регионов прекратились разбои. Были созданы не просто отдельные социальные учреждения, а целая система социальной помощи населению, медицинского обслуживания и народного образования. Улучшилось положение дел в пенитенциарной сфере.

Поражает преэминентность служб, устроенных в правление Екатерины II или в ближайшие последующие годы, и ныне существующих буквально на том же самом месте, а то и в тех же самых зданиях: больницы, университет, начальные и средние учебные заведения, пожарные станции, аптеки, тюрьмы и т.д.. Именно Екатерина II в процессе осуществления реформы города придала ему тот набор функций и создала (пусть на начальном уровне) необходимый для их осуществления комплекс структур. Именно она создала русский город Нового времени в том виде и функциональном содержании, в каком он дожил во многом до наших дней.

Вместе с этим в ходе преобразований в жизнь города был привнесён целый ряд черт бытовой и общественной культуры, придавших

ему особое значение как месту ретрансляции культуры.

Либеральные историки-юристы рубежа XIX–XX вв., критикуя итоги екатерининского преобразования города, указывали на его несовершенство и даже на несостоятельность проектов городского устройства. Легко отрицать за поселениями право называться городом, не вдаваясь в обстоятельства места и времени. Настолько же просто винить в неудачном (с их точки зрения) проведении реформы генерал-губернаторов, губернаторов и их канцелярии. При этом нельзя забывать, что ничего подобного никогда до того не делалось. Реформаторы шли (особенно на первых порах) буквально вслепую, нащупывая пути и формы решения задач. Кроме того они были сильно ограничены в средствах, не имели права привлечь на нужды реформы дворянские владения.

На начальном этапе перехода города из одной эпохи в другую недопустимо оценивать его как т.н. «полноценный» или «неполноценный» город – для этого еще должно было пройти время и совпасть условия.

Позиция дореволюционной историографии по вопросу преобразования русского города напоминает героя широко известной народной русской сказки, который от нетерпения и незнания стремился ускорить рост репы и тянул ее что было сил. В итоге погиб весь урожай.

Суть преобразований Екатерины II заключается в том, что они не могли быть закончены в одно правление. Во второй половине XVIII столетия по сути лишь заложили основы, дали начало, получили первые результаты. На основании созданного фундамента требовалось развивать задуманное. В итоге многое из запланированного реализовывалось почти до середины следующего XIX столетия (административные здания, почтовое сообщение, благоустройство городской среды и др.). Так, например, задуманная реформа тюремной системы, оформленная Екатериной II в проекте не позднее 1788 г., стала воплощаться в жизнь в 1817–1818 гг.⁷⁴ В то же время (1808 г. и 1820 г.) государство приступило к созданию проектов типовых пенитенциарных заведений⁷⁵ и вело их строительство. В 1821 г. появился первый общий план устройства тюрем по всей стране⁷⁶. Эти здания (чаще всего утратив свои функции) стоят до сих пор в ряде городов России, например, в Гороховце, Боровске и др. Чуть позже, в 1825 г., принимается инструкция «О устройстве и порядке содержания острогов в Москве и Калуге»⁷⁷, призванная распространить на всю страну опыт этих двух регионов, обладающих наиболее успешными результатами. Считается, что широкое распространение подобных зданий приходится на конец 1817 г.⁷⁸, хотя, как было выявлено нами, аналогичные инструкции и меры предпринимались еще в 1776 г.⁷⁹

Пожарная служба в Москве получила окончательное оформление по задуманным при Екатерине II планам к 1820-м гг., когда она заработала в полную силу и с большим результатом, что признавали сами современники⁸⁰.

Много было потрачено сил на развитие в городах медицины. Но если к 1810 г. в Москве действовало 10 учреждений Приказа общественного призрения, не считая училищ⁸¹, то к 1840-м гг. больниц и госпиталей в Первопрестольной значилось уже более 40⁸².

Масштабная реконструкция «Первопрестольного» города, запланированная Екатериной II, была полностью реализована только после страшного пожара 1812 г., снявшего многие вопросы, связанные с собственностью. При этом в основе проекта послепожарного устройства «Прожектированного плана столичного города Москвы» 1817-1818 гг. лежат принципы, разработанные в рамках изначального проекта 1775 г.⁸³

В задачах Екатерины II было еще создание хосписов⁸⁴, развитие ветеринарной службы⁸⁵.

Как мы видим, реализовано на практике было не все и не сразу, однако масштабы достигнутого не могут не поражать. И речь идет не только о тотальном охвате реформой территории огромной и не очень богатой страны, да к тому же вынужденной отстаивать в войнах свои жизненные интересы. Были получены важнейшие качественные результаты. Всего лишь за несколько десятилетий второй половины XVIII в. русский город из детинца и поселения, гармонично растворяющегося в природой среде, превратился в многофункциональную структуру, выражавшую, говоря словами Н.Ф. Гуляницкого, принципиально «новую идею»⁸⁶. Главным стали «его представительские черты как административно-торгового центра»⁸⁷. Итогом реформы города явилось не только утверждение нового и выверенного числа сети городских поселений, утверждение их статуса и иерархического положения в сети, но и установление современного городского строя. Русский город приобрел облик, качества и структуру поселения, в котором мы проживаем сегодня.

Планы Екатерины II в области реформы города были в основном реализованы к концу первой четверти XIX в. Итогом этого стало осознание необходимости нового витка развития города, выявление новых задач и формулировка проблем. В результате к ноябрю 1825 г. был учрежден Комитет для приискания способов к улучшению городов. Вскоре от его имени гражданским губернаторам ушла анкета с перечнем вопросов, призванных сформировать представление об имеющихся проблемах городского развития⁸⁸. Ее содержание стало развитием достижений преобразований Екатерины II на новом этапе существования города. Но покоились эти преобразования уже на том типе города, кото-

рый был сформирован в ходе преобразований второй половины XVIII в. Показательно, что основной темой как вопросов анкеты, так и ответов на них будут проблемы, никак не связанные с формированием городской инфраструктуры, обеспечивающей выполнение городом своих многочисленных функций⁸⁹. Необходимые для этого формы и структуры были уже окончательно «устроены».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX века: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. С.403.
- ² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.16. Оп.1. Д.570. Л.47.
- ³ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М.: Новый хронограф, 2007. С.403-404.
- ⁴ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Художественная литература, 1989. С.83-85.
- ⁵ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.21. Л.19об.
- ⁶ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим. Т.2. СПб.: Наука, 2005. С.8.
- ⁷ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим. Т.2. СПб.: Наука, 2005. С.61.
- ⁸ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.639. Л.26об.
- ⁹ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.639. Л.26об.; и др.
- ¹⁰ РГАДА. Ф.16. Д.578. Часть II. Л.2об, 184об. и др.
- ¹¹ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.636. Л.25, 26об.
- ¹² РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.639. Л.25.
- ¹³ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С.176-177.
- ¹⁴ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.691. Л.114.
- ¹⁵ Дитятин И.И. Русский дореформенный город // Статьи по истории русского права. СПб.: Первая скоропечатня А. Пороховщикова. 1895. С.19.
- ¹⁶ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.639. Л.19.
- ¹⁷ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.639. Л.26об.
- ¹⁸ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.640. Ч.1. Л.141.
- ¹⁹ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.640. Ч.1. Л.32.
- ²⁰ РГАДА. Ф.16. Д.578. Часть II. Л.186.
- ²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-1). Т.XXVI. №19.948. С.720-721.
- ²² РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.582. Часть I. Л.13.
- ²³ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.1012. Часть 1. Л.114.
- ²⁴ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.1012. Часть 1. Л.114об.
- ²⁵ Водарский Я.Е. Москва в XVIII столетии. Население и территория // История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т.1. XII-XVIII вв. Гл.VIII. М.: Мосгорархив, Московские учебники и картолиотография. 1997. С.285.
- ²⁶ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.578. Часть IV. Л.116об, 120об.
- ²⁷ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.575. Часть I. Л.20.
- ²⁸ РГАДА. Ф.16. Д.578. Часть I. Л.58.
- ²⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). Т.II. СПб.: Дмитрий

- Булавин, 1999. С.33.
- ³⁰ РГАДА. Ф.16. Д.578. Часть IV. Л.47об.
- ³¹ *Галаншина Т.Г., Закулаев И.В., Логинов С.Н.* Владимирский централ. М.: Эксмо, 2008. С.7.
- ³² РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.576. Л.272.
- ³³ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.582. Часть IV. Л.123.
- ³⁴ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф.73. Оп.2. Д.91. Л.3.
- ³⁵ ГАЯО. Ф.73. Оп.2. Д.91. Л.4-12.
- ³⁶ *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим... Т.1. СПб.: Наука, 2004. С.672-673.
- ³⁷ *Ассонов В.И.* К истории театра в Калуге // Известия калужской ученой архивной комиссии. Вып. XXI. Калуга: Типография Е.Г. Архангельской, 1911. С.58.
- ³⁸ *Ассонов В.И.* К истории театра в Калуге // Известия калужской ученой архивной комиссии. Вып. XXI. Калуга: Типография Е.Г. Архангельской, 1911. С.61, 62, 69.
- ³⁹ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.729. Л.10об.
- ⁴⁰ *Герман К.Ф.* Статистическое описание Ярославской губернии. Сочиненное Карлом Германом. СПб.: Императорская Академия наук, 1808. С.24.
- ⁴¹ *Ломако Е.Л.* Русский провинциальный город екатерининской эпохи: Коломна второй половины XVIII века. М.: Лига, 2013. С.193.
- ⁴² *Евсина Н.А.* Русская архитектура в эпоху Екатерины II. СПб.: Наука, 1994. С.147.
- ⁴³ РГАДА. Ф.16. Д.578. Часть IV. Л.51об.
- ⁴⁴ РГИА. Ф.796. Оп.93. Д.1005. Л.1.
- ⁴⁵ *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим. Т.2. СПб.: Наука, 2005. С.27.
- ⁴⁶ ПСЗ-1. Т. XXVIII. №.21209. С.210-214.
- ⁴⁷ ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1080. Л.833.
- ⁴⁸ *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим. Т.1. СПб.: Наука, 2004. С.600-601.
- ⁴⁹ Там же. С. 601.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.729. Часть III. Л.295.
- ⁵¹ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.729. Часть III. Л.233об.
- ⁵² РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.1012. Часть I. Л.39-39об.
- ⁵³ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.1012. Часть I. Л.35об-36об.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.1012. Часть I. Л.82.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.1012. Часть I. Л.178.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.1014. Л.93об.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.1014. Л.93об.
- ⁵⁸ *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Т.1. Введение. Города России в XVIII столетии. СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1875. С.375-376.
- ⁵⁹ *Удовкин В.А.* Р.И. Воронцовы и Вольное экономическое общество // Воронцовы – два века в истории России: Вып.2: Материалы Пятых Воронцовских чтений, посвященных 190-летию со дня смерти графа Александра Романовича Воронцова (11-12 октября 1995 г., г.Владимир). Петушки: Петушинская типография, 1996. С.161.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.636. Л.17.
- ⁶¹ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.636. Л.24, 25-26 и др.
- ⁶² РГАДА. Ф.16. Д.580. Л.1-82.
- ⁶³ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.576. Л.9.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.576. Л.91-91об.
- ⁶⁵ *Балязин В.Н.* Московские градоначальники. М.: Тера, 1997. С.165.
- ⁶⁶ *Чаянова О.Э.* Театр Маддокса в Москве: 1776-1805. М.: Работник просвещения. 1927. С.93.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф.16. Д.578. Часть II. Л.197об.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф.16. Д.578. Часть IV. Л.133.
- ⁶⁹ Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи (1775 г., 7 ноября) // ПСЗ-1. Т.20. С.275-276.
- ⁷⁰ *Устинова И.А.* Русское государство и православная церковь X-XX в. Учебное пособие. М. - СПб.: Альянс-Архео, 2012. С.131.
- ⁷¹ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.1012. Часть I. Л.10б.
- ⁷² *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний, Санкт-Петербургского педагогического института ординарного профессора Евдокима Забловского. Часть 1-5. Часть IV. СПб.: Императорская Академия наук, 1810. С.142-143.
- ⁷³ *Гуляницкий Н.Ф., Гришинчук О.В.* Города и посады с крупными центрами культового назначения // Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого М.: Стройиздат, 1998. С.270, 275.
- ⁷⁴ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Т.1. 1762-1825. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. С.96.
- ⁷⁵ ПСЗ-1. Т. XXX. №22.963. С.180; ПСЗ-1. Т. XXXVII. №28.617. С.699-700.
- ⁷⁶ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Т.1. 1762-1825. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. С.103.
- ⁷⁷ ПСЗ-1. Т. XL. №27.181. Л.100-121.
- ⁷⁸ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Т.1. 1762-1825. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. С.104.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп.1. Д.581. Л.11об.
- ⁸⁰ *Малиновский А.Ф.* Обзорение Москвы. М.: Московский рабочий, 1992. С.156.
- ⁸¹ *Эймонтова Р.Г.* Город и власти // История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т.2. XIX в. Гл. III. М.: Мосгорархив, Московские учебники и картолитогрфия. 1997. С.59.
- ⁸² Там же. С.58.
- ⁸³ *Гуляницкий Н.Ф.* Москва после Отечественной войны 1812 года // Российское градостроительное искусство: Москва и сложившиеся русские города XVIII - первой половины XIX века / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стойиздат, 1998. С.134.
- ⁸⁴ Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи (1775 г., 7 ноября) // ПСЗ-1. Т.20. С.273-274.
- ⁸⁵ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.21. Л.24-24об.
- ⁸⁶ *Гуляницкий Н.Ф.* Города как административные центры // Российское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII - XIX веков / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1995. С.381.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ ГАЯО. Ф.73. Оп.2. Д.61. Л.1.
- ⁸⁹ ГАЯО. Ф.73. Оп.2. Д.61. Л.5-74об.

**CITY REFORM OF CATHERINE II: PLAN, PROCESS OF REALIZATION, AND RESULTS
(ON MATERIALS OF THE CENTRAL RUSSIAN PROVINCES)**

© 2018 A.V. Belov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is devoted to the plan, realization, and results of city reform during the reign by Catherine II. Thanks to efforts of the empress and her high-level bureaucrats, the fortified city was replaced with the modern multifunctional type of the residential location. In the course of reform, the main functions of the city were defined and urban infrastructure was created to implement the reform. These structures substantially exist to this very day and still perform the tasks which were prescribed to them in the second half of the XVIII century. The author suggests that the city reform deserves special attention among all reforms of Catherine the Great, because the reform was directed not to ordering of estates, but to formation of the new type of city which still exists. The author pays special attention to foundation and development the permanent theater in Moscow, because it was connected with the Moscow's status of the capital city. He also addresses to such problems as personal influence of the head of the region on the course of reform; planning and results of reform, its program statements, and the main stages of their realization; administrative system and its qualities; creation of the regular city; evolution of urban planning and development; organization of main urban services (police, firefighters, hospitals, schools); reforming of penitentiary system; role of a city as a center of public leisure and culture, and to some other subjects.

Keywords: Russian city, pre-reformed city, reform of the city, Catherine II, provincial reform, functions of city.